

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ В ДАЛЬСТРОЕ* (Рассказ геолога)

После окончания Московского геологоразведочного института (МГРИ) мы с моим другом, Мишей Гельманом, были направлены на работу в Дальстрой. В Магадан мы прибыли на пароходе «Феликс Дзержинский» 2 сентября 1953 г. Оказалось, что в трюме нашего парохода везли большое количество заключенных, и нас попросили подождать, пока их выгрузят. Когда после этого нас повезли на машине, их колонна протянулась по дороге больше чем на 1 км. На улице города также встретилась небольшая колонна заключенных с номерами на спине и груди (такие номера были у политических), с конвоем возвращавшаяся после работы. На окраинах многие дома барачного типа были обнесены забором с колючей проволокой. Мне казалось, что в городе полно лагерей (потом выяснилось, что многие бараки за проволокой – склады). Нас привезли в так называемую транзитку на 4-м км Магаданской трассы с двухъярусными нарами; возможно, раньше это был барак для заключенных, переоборудованный теперь для приема приезжающих.

Нас оставили работать в центре, в Научно-методическом отделе Геологоразведочного управления Дальстроя (ГРУ ДС): М.Л. Гельмана в петрографическом отделении, которым руководил известный петрограф Евгений Константинович Устиев, а меня в литологическом, под на-

чалством опытного геолога и стратиграфа Алексея Александровича Николаева.

М.Л. Гельман успел этой же осенью проделать полевые маршруты близ Магадана, знакомясь с кайнозойскими отложениями Балахачанской впадины, где была пробурена глубокая скважина, а также с гранитоидами Магаданского батолита в обрамлении впадины. Мне же предложили описать осадочные породы, преимущественно карбонатные, образцы которых были отобраны М.Г. Зюзиной и А.А. Николаевым из верхнедокембрийских отложений на Побединском железорудном месторождении (правобережье Колымы, ниже устья р. Коркодон).

По методике, разработанной доцентом МГРИ С.В. Тихомировым, я прокрашивал шлифы карбонатных пород раствором соляной кислоты с фиолетовыми чернилами, чтобы ясно отличать зерна кальцита и доломита, уточнить характер и степень доломитизации пород. Впервые увидел очень красивые по текстуре строматолитовые известняки, которые можно использовать для облицовки зданий.

За помощью при описании горных пород я обращался к «врагам народа». В одной из комнат НМО, по договоренности начальника ГРУ ДС Валентина Александровича Цареградского и руководства Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей, работали (под охраной вооруженного конвоира у двери) шесть видных геологов, докторов и кандидатов наук: Александр Григорьевич Вологдин, Владимир Николаевич Верещагин, Вячеслав Вячеславович Богацкий, Феликс Николаевич Шахов, Иван Кузьмич Баженов и Юрий Михайлович Шейнманн, осужденные в 1950 г. за антисоветскую деятельность. Александр Григорьевич был даже членом-корреспондентом АН СССР, и его осудили на максимальный срок – 25 лет. Остальные получили

обычную для того времени «десятку». У этих ученых были свои задания по работе, но они никогда не отказывали в консультации геологам, молодым специалистам. Я бывал у них часто, по нескольку раз в день. В основном я работал с А.Г. Вологдиным, который знал карбонатные породы и первым определил возраст водорослей из района Побединского месторождения. (Мы, конечно, всегда откликались на просьбы заключенных геологов и приносили им из столовой после обеда пирожки и папиросы. К счастью, в конце апреля 1954 г. их амнистировали, и они уехали на «материк» – так в Магадане и Магаданской области называли центральные районы страны и даже Дальний Восток, где имелась железная дорога, поскольку из Магадана можно было выехать только пароходами, а в зимнее время, когда замерзло море, они не ходили).

В феврале 1954 г. мне предложили возглавить партию по изучению литологии и стратиграфии отложений на побережье Восточно-Сибирского моря к востоку от Чаунской губы. Я с радостью согласился, так как мечтал поработать в далеких и труднодоступных местах нашей Родины, где еще бывало очень мало геологов. Район Чаунской губы исследовал Сергей Владимирович Обручев, а побережье губы Нольде – Владимир Георгиевич Дитмар в экспедициях Главсевморпути в первой половине 30-х гг. XX в. Участки Чаунского района, удаленные от побережья, изучались геологами созданного в 40-х гг. Чаунского РайгРУ, их основной задачей были поиски полезных ископаемых. В 1952 г. Яков Севастьянович Ларионов в партии Василия Алексеевича Китаева обнаружил на левобережье среднего течения р. Пегтымель, в 250 км к востоку от Певека, каменноугольное месторождение получившее название Долгожданное. Сразу началась его разведка – ведь Певек и все поселки района снабжались только привозным углем. Кроме работ на берегу моря, нам предлагалось также ознакомиться

Юрий Михайлович Бычков –
к.г.-м.н., с. н. с. лаборатории
стратиграфии и палеонтологии
СВКНИИ ДВО РАН (на пенсии)

* Подробнее об авторе см. в «Колымских ВЕСТЯХ» № 13.

со стратиграфией меловых отложений, вмещающих это месторождение, и всех других образований в его обрамлении.

Большое значение работе нашей партии придавал Борис Никоневич Ерофеев – главный геолог ГРУ ДС, который несколько лет до этого работал на Чукотке, открыл в Чаунском районе крупное рудное и несколько россыпных месторождений олова и был большим патриотом Чукотки. Благодаря его содействию я получил от начальника Дальстроя И.Л. Митракова разрешение арендовать упряжку собак или оленей у местного населения на сумму до 100 руб. Нам было выделено несколько ящиков сухого спирта для приготовления пищи. Начальник 1-го отдела ГРУ ДС предложил мне взять американский многозарядный винчестер с 20 патронами к нему. Мой начальник отделения, А.А. Николаев, посоветовал ездить вдоль берега моря на резиновых лодках, но уже побывавшие на Чукотке Ю.М. Шейнманн, Ф.Н. Шахов и И.К. Баженов категорически возражали против применения лодок на море, где все время плавают льдины с режущими краями и нередко большая волна. Сразу отмечу, что лето 1954 г. было необычайно холодным даже для Чукотки, и до середины июля, пока мы работали на побережье, морской лед не растаял и не отошел от берега, так что лодкой мы все равно не смогли воспользоваться. Все маршруты мы делали пешком.

Так как я был молодым специалистом, раньше не работавшим на территории Дальстроя с его специфическими условиями, то мне выделили двух опытных помощников. Прорабом партии был Михаил Алексеевич Сумин, закончивший в 1951 г. Свердловский геологический техникум и уже ездивший 2 раза в поле. Старшим коллектором стал опытный таежник Петр Михайлович Таюрский, который в 1953 г. вместе с Евгением Константиновичем Устиевым и Александром Петровичем Куклиным успешно совершил экспедицию в не исследованные тогда верховья р. Большой Анюй – к вновь открытому четвертичному вулкану Монни (Анюйский). Е.К. Устиев описал это путешествие в книге «По ту сторону ночи» (М.: Мысль, 1966).

Значительные трудности в работе приносило отсутствие топографических карт на территории Чукотки.

Выход в первый маршрут на м. Кибера (8 мая 1954 г.). Слева направо: М.А. Сулин, П.М. Таюрский и Д.П. Рожков. За прибрежной косой, оголившейся от снега, покрытое льдом Восточно-Сибирское море

Геологи составляли их сами «глазомерно» в процессе полевых исследований, что отвлекало от основной геологической деятельности. На мое счастье, зимой 1953/54 г. в Магадан поступили чукотские аэрофотоснимки. И хотя фотопланов еще не было, я составил по этим снимкам карту с береговой линией моря и гидросетью тех мест, где надо было работать. Масштаб ее в разных частях был неодинаковый, но все равно она была много точнее «глазомерок». По снимкам я смог выделить и нанести на карту положение наиболее крупных обнажений горных пород, требующих особого тщательного изучения.

В начале апреля мы наняли в качестве рабочего молодого парня – Данилу Рожкова. Второго рабочего нам разрешили взять на месте – на Чукотке. Итак, мы были готовы к отъезду и 10 апреля на грузовом холодном самолете ЛИ-2 вылетели из аэропорта «13-й километр» в Певек. Уже на борту нам пригодились полушубки и валенки, выданные в качестве спецодежды. За 6 часов добрались до Нижнеколымска, где была дозаправка самолета, а еще через полтора часа приземлились в Певекском аэропорту «Апальехино». На следующий день пришла машина, которая доставила нас к зданию Чаунского районного геологоразведочного управления (РайГРУ). Разместиться было разрешено сложить в тупичке коридора вещи и переночевать на них.

Рано утром появился мальчик лет пяти, сын вахтера, он быстро бежал по коридору и срывал печати, держа за ниточки. Мы закричали на него, сказали вахтеру, боясь, что будет скандал, когда придут сотрудники. Вахтер вправил нитки в пластилин, и никто не обратил внимание на нарушение печатей.

Утром пришли на работу геологи, и я познакомился с ними. Почти все они окончили вузы в 1951–1953 гг. С Василием Феофановичем Белым, окончившим МГРИ за полгода до нас, я был знаком по институту. Константин Владимирович Паракецов и Лев Константинович Хрузов, тоже «мгришники», работали на Чукотке уже около двух лет. Яков Севастьянович Ларионов и Владимир Петрович Полз окончили в 1951 г. Латвийский госуниверситет, Марий Евгеньевич Городинский весной 1953 г. – Ленинградский горный институт, Виктор Иванович Копытин в 1953 г. – Воронежский госуниверситет. Все они стали и остаются до сих пор моими добрыми друзьями и друзьями.

В кабинете начальника Чаунского РайГРУ Николая Ильича Чемоданова, известного колымского и чукотского геолога, я доложил о проекте своих работ. Он был одобрен, но помощи в транспорте для переброски в район работ не обещали. Намечалась заброска своих полевых партий, и все тракторы были заняты. Не нашлось места и для

нашего снаряжения и людей. Пришлось обратиться к секретарю райкома партии, который посоветовал устроиться в обычно пустующем Доме колхозника. Этот круглый, в форме яранги, дом был построен в 1933 г. для культбазы. В нем оказались два пьяных чукчи, которые против нашего вселения ничего не имели. На следующий день в отделе кадров РайГРУ нам предложили пожилого, лет за 50, рабочего, И.Ф. Данилова, которого из почтения к возрасту мы звали Иван Федорович. Он не возражал работать (молодые рабочие, как правило, не любят готовить) и в дальнейшем исполнял свои обязанности хорошо. Судьба этого человека необычна и горемычна. Он приехал в Певек в 30-х гг. с одной из экспедиций и работал радистом. Случился пожар, сгорела рация, и Ивана Федоровича осудили на 10 лет. После освобождения его принимали только на низкооплачиваемые рабочие должности, временами он запивал и никак не мог скопить денег, чтобы ехать на материк к родственникам.

Мне посоветовали узнать насчет транспорта в правлении колхоза, расположенного на восточном берегу Чаунской губы близ южного склона м. Шелагский, километрах в 50 к северу от Певека. Идти туда надо было по льду Чаунской губы, в основном ровному и только близ берега сильно заторошенному. Транспорта в колхозе не пообещали, но примерно на полпути, рядом с обрывами, которые мы должны были изучать, стояла довольно большая изба, из трубы которой вился дым. Оказалось, что в ней живут два молодых солдата, которые готовы принять нашу партию на небольшое время, так как они соскучились без людей. До них от аэропорта «Апальехино» шла автомобильная дорога. Вернувшись в Певек, я договорился с руководством управления о грузовой машине, и 20 апреля мы переехали в солдатский дом. Можно было начинать работы, так как, несмотря на небольшие морозы и снег, крутые обрывы были обнажены. Погода стояла пасмурная, температура 5–7 градусов ниже нуля, но мы в полушубках и валенках стали ходить в маршруты. У нас было два термоса. В них мы наливали горячий чай. Однако случилось так, что при падении на крутом заснеженном склоне термосы были разбиты. Пришлось обходиться су-

И снова в поле на Чукотке – на этот раз (1982 г.) хребет Кэнкэрэн

хим пайком. Сухой спирт пока использовать было нельзя, так как все камни под обрывами засыпаны снегом.

1 мая, как и полагается, был праздничным днем. С утра мы даже пошли на «митинг» на берег моря. Я поднялся на высокий торос и поздравил всех с праздником. Обед был тоже праздничным, со спиртом. Вечером в дом зашел чукча, идущий из колхоза в Певек, с отрадной вестью, что по договору между колхозом и прииском «Куйвивеем» в ближайшие дни с прииска выедет трактор на м. Кибера, где чукчи должны были настрелять около тысячи куропаток для работников прииска. На следующее утро я по льду бухты пошел в Певек. Некоторые чукотские партии уже были готовы к отъезду. Самой близкой к м. Кибера была партия В.И. Копытина, которая должна была провести разведку на уголь в бассейне руч. Мурашка, левого притока р. Релькувеем. Мы договорились, что, если будет возможность, я навещу их в начале июня.

Руководство РайГРУ, услышав о тракторе, который поедет с прииска «Куйвивеем» в наш первый район работ, согласилось выделить автомашину. Солдаты на прощанье подарили нам двух собак – солидного пса Полкана и трехмесячную Жучку. К вечеру мы доехали до перевала из бассейна Апальехино в р. Куйвивеем. Спуск к этой речке был

очень крутой, и обычно машины на самом крутом участке удерживали на тросе. Наш шофер отказался ждать до следующего дня. Близ перевала стоял домик, а вдоль дороги с обеих сторон тянулись сотни бочек из-под горючего. Мы разгрузили снаряжение у домика. В нем оказалось довольно много народа, ожидающего утра. Часов в 12 ночи вошел молодой шофер, предложивший желающим ехать с ним на прииск сейчас же. Люди молчали. Тогда я попросил взять нас со снаряжением партии. Он согласился. Тормоза у машины были хорошие, шофер опытный, и спуск был преодолен удачно. Сидя в кабине рядом с шофером, я сказал ему, что нам нужно ехать дальше приисковым трактором до м. Кибера.

Мы выгрузились около конторы прииска и стали ждать начала рабочего дня. Когда пришло руководство, я пошел на переговоры с начальником прииска. Он огорошил меня, сказав, что в ближайшие дни отправлять трактор на м. Кибера не собирается. Огорченные, не зная, что делать, мы сидели на вещах перед конторой, когда к нам подъехал шофер, спускавший нас с перевала. Поведав ему о нашей неудаче, вдруг услышали в ответ: «Не беспокойтесь! Трактор для вас сегодня будет!» Мы, конечно, удивились. Но часа через два к нам подъехал трактор с санями, и тракторист сказал: «Грузитесь!» От проходивших мимо работников прииска мы узнали, что «наш» водитель является вожаком среди воров местного лагеря. Он – расконвоированный заключенный, которому разрешено свободно ходить и ездить вне зоны. Однажды за какую-то провинность его не выпустили из зоны, и ни один заключенный не вышел на работу. «Забастовка» продолжалась до тех пор, пока руководство не догадалось разрешить ему свободный выход.

С начала мая на севере Чукотки темных ночей не бывает. Поэтому, не задерживаясь, мы ехали вдоль берега моря по заснеженной тундре, а где не позволяли обрывистые берега, – по льду моря. К следующему вечеру показались три яранги к западу от м. Кибера. Это место называется «Изба Шалаурова». Здесь была последняя стоянка купца Никиты Шалаурова, отправившегося искать морской путь от устья р. Лена в Тихий океан и погибшего в 1764 г. в борьбе с суровой северной

природой. Его именем назван и небольшой остров к северу от м. Кибера. Кстати, этот мыс впервые описан Ф.П. Врангелем в 1823 г. и назван в честь врача его экспедиции, доктора медицины и натуралиста А.Ф. Кибера.

Возле яранг мы разгрузились и поставили свои палатки. Чукотские дети были очень рады угощению: хлебу и конфетам, а взрослых на радостях мы угостили и спиртом. Меня поразило, что даже маленькие дети, лет 5–7, стреляли по мишени из карабина, несмотря на довольно сильную отдачу в плечо, и взрослые разрешали им это. Оказалось, что куропаток чукчи не настреляли (позже мы не раз видели, как куропатки садились на верхушки шестов остова яранги, а чукчи не обращали на них внимания; по их представлениям, «мясо» – это олень и нерпа), но твердо обещали снабдить прииск оленьим мясом в середине июня, когда олени стада пригонят к морскому берегу. Нам повторный приезд трактора был очень кстати, так как мы уже собирались завершить работы и должны были вернуться назад.

8 мая мы сделали первый обзорный маршрут к обрывам западного берега губы Нольде, где находится прекрасный разрез палеозойских отложений, впервые осмотренный в 1934 г. В.Г. Дитмаром, который чуть не утонул при плавании на лодке в этой губе. Мы пересекли с запада на восток м. Кибера и по крутому склону спустились к морю, где в избушке из плавника жили чукча и его сын лет 14. Глаза у сына были поражены трахомой; вероятно, поэтому он не уехал учиться в школу-интернат. На севере мыса обнажены лейкократовые граниты, южнее видно, что они прорывают метаморфизованные в контакте с ними осадочные породы. По морскому льду можно было подойти к любому участку берега, чтобы осматривать и описывать обнажения. Мы прошли вдоль них километра 1,5 до устья руч. Конгломератовый, по которому поднялись до водораздела и затем спустились к нашим палаткам. Терять каждый день время и силы на 10-километровый переход к разрезу было неразумно, и мы арендовали у чукчей упряжку из 5 собак, приторочили к ней и нашего Полкана. Он оказался самым сильным, понимал команды, и поэтому через несколько километров пути мы сделали его вожакom. По плот-

ному насту собаки бежали быстро. За три поездки все наше снаряжение было доставлено к устью руч. Конгломератовый. Там мы поставили палатки, установили железные печки, а дров – плавника было полно. Весь май и начало июня проводили изучение разреза горных пород в береговых обрывах длиной около 12 км. В конце мая прилетели чайки, основавшие «птичьи базары» на высоких, недоступных человеку обрывах. Трещин на морском льду было мало.

Однажды, поднявшись вверх по обрыву, мы увидели любопытную картину. Вдоль неширокой трещины, метрах в 500–700 от берега, сидела масса чаек, а к ним, прижимаясь ко льду, полз матерый серый волк. Когда он приблизился к чайкам метров на 10, они взлетели, а волк завыл. Эта «игра» повторялась несколько раз. К вечеру мы пошли в сторону базы, а волк, заметив нас, двинулся следом метрах в 300–400. Доходя до торосов, мы прятались за них, намереваясь застрелить волка. Но он тоже остановившись. В километре от базы он прекратил преследование. На следующее утро, часов в 6, сильно залаяла собака. П.М. Таярский схватил винчестер и выскочил из палатки. Метрах в 10 стоял волк. Петя прицелился и выстрелил. Волк подскочил и мигом умчался прочь. После этого мы сделали большую мишень и начали стрелять. Никто не смог попасть в мишень с 20 м. Мы решили, что винчестер никуда не годен. Но вот как-то к нам зашел охотник-чукча и попросил выстрелить из винчестера. Он стрелял с 30 м в ту же мишень и оба раза попал почти в ее середину. Очевидно, в промахах было виновато не оружие, а стрелки. Охотник просил поменять винчестер на 2 карабина, но я, конечно, не согласился.

В середине мая на оленях к нам приехала пожилая чукчанка, привезла оленьего мяса и попросила муки и спичек. Мы с удовольствием произвели обмен. Попив чая, она крикнула на оленей и тут же умчалась; только снежная пыль летела из-под полозьев саней.

В начале июня мы закончили работу на обрывах и сделали несколько маршрутов по сопкам в глубь от побережья. Мы были довольны: детально описан разрез палеозоя, в ряде мест собраны окаменелости. Очень интересны были пласты конгломератов с галькой и валунами гранитов, подобных

вскрывающимся на м. Кибера, зеленые хлорит-серицитовые сланцы и мощные линзы известняков, фациально их замещающие. За оставшееся до прихода трактора время решили сходить на Мурашку, посмотреть, как идет разведка каменного угля.

Утром мы с рабочим Данилой быстро пошли по льду губы Нольде вдоль хорошо знакомых обрывов и дошли до низкой тундровой части полуострова. Раньше там было пусто, а сейчас стояло несколько яранг и паслось стадо оленей. Пастухи отнеслись к нам настороженно, поскольку нередки были побеги заключенных. Я показал им свой паспорт и удостоверение начальника партии, Данила – удостоверение, и они успокоились. Нам предложили чаю. Удивительно, как чукчи умеют экономить топливо. Костер из прутьев сложен пирамидкой; синее пламя, как у керосинки, нагревает дно подвешенного чайника; проходит 5 минут, и он уже закипел. А «дрова» еще даже не сгорели. Теперь над костром подвешивается кастрюля.

Попив чая, мы поднялись на гору, тянущуюся к югу, куда нам нужно идти. Внезапно подул северный ветер, который принес густой туман. Не видя дальше 3–5 м, мы старались идти, не теряя высоты. Каково же было наше огорчение, когда через 2 часа мы оказались на том месте, откуда вышли. Теперь пошли на юг, сверяясь по компасу почти каждые 100 м. К вечеру спустились в долину р. Выйваам, через которую надо было переправиться. Но паводок был в разгаре. Никакого брода на протяжении нескольких километров мы не нашли, глубина реки превышала 2–3 м. Пришлось нам отказаться от похода и повернуть обратно. Поднявшись из мокрой тундры на гору, мы решили отдохнуть. Туман исчез, солнце светило и даже грело, поэтому мы не стали разбивать палатку, а постелили ее на землю, забрались в спальные мешки и быстро уснули. Проснулись часов в 10 утра, перекусили и пошли дальше по горе. Внезапно обнаружилась яранга в ложбинке между вершинами. Из нее вышла девушка лет 18. Мы произнесли чукотское приветствие: «Етти», она предложила выпить чая. Девушка сказала, что видела нас ночью, когда мы спали и, подумав, что это беглецы, решила застрелить. Но что-то ее заставило пойти посоветоваться с паст-

хами стада, у которого мы были утром. Те объяснили, что это геологи. Без дальнейших приключений мы добрались до базы партии. Через несколько дней за нами приехал приисковый трактор с нагруженными оленьими санями. Сверху мы положили свое снаряжение и выехали на новое место работы, устроив стоянку близ устья р. Куйвиеем.

С этой базы мы обследовали обнажения триасовых пород к западу и востоку от устья реки на 10–15 км в обе стороны. Помню, как я обрадовался находкам белых трубообразных раковин, которые впервые здесь собирал С.В. Обручев. Позже эти раковины были выделены украинским академиком Олегом Степановичем Вяловым в новый род *Flagrina*. Еще интереснее показались мне остатки растений, за хорошие находки которых я обещал, по колымскому обычаю, бутылку спирта. Но ничего путного не нашлось.

В начале июля мы с Данилой отправились в 2-недельный маршрут на восточное побережье Чаунской губы и обосновались на центральной усадьбе колхоза у м. Шелагский. Нам выделили пустующий домик с таким количеством щелей в стенах, что он защищал от холода хуже палатки. Спасались в спальнях мешках. Наверно, поэтому чукчи не хотели переходить в дома и в конце поселка стояло несколько яранг. Продуктами мы отоваривались в фактории при поселке. Каждый раз мы видели там несколько чукчей, просящих у заведующей фактории – женщины средних лет – спирт. Она говорила, что в аванс за будущие шкурки песцов согласна выдавать муку, крупу, сахар, хлеб. Но они умоляли дать спирт.

Нас познакомили с заместителем председателя колхоза – высоким статным чукчей, поймавшим за прошлую зиму 300 песцов. Он, должно быть, был богатым человеком: песцовые шкурки оценивались в среднем в 300 руб.

Вечером, после маршрута, мы беседовали с двумя молодыми мужчинами, приехавшими из Министерства сельского хозяйства РСФСР обследовать чукотские колхозы.

Погода благоприятствовала маршрутам. Каждую ночь шел дождь, стуча по крыше. А днем светило солнце и было довольно тепло. Постоянный ветер не пускал на берег моря комаров, которых в тундре было огромное количество. Мы

изучили обрывы до м. Янранай, до места, куда зимой дошли от солдатского дома. Перед отходом на другой участок работ, на берег Восточно-Сибирского моря к востоку от м. Шелагский, мы пошли в баню. Очередь оказалась длинной, и ждать пришлось долго. Прошло то время, когда чукчи не мылись месяцами.

За день до нас на то место побебежья, где мы собирались изучать обнажения, для охоты на морзверя переехали на оленях семьи богатого зампреда колхоза и других чукчей. Мы решили остановиться рядом с их ярангами. Когда мы поставили свою палатку и приготовили ужин, к нам набегали дети. Вместе с кашей и чаем они съели 3 буханки хлеба (из 6 принесенных нами), который был для них лакомством. Стало ясно, что при таком расходе на 5 дней работы продуктов нам не хватит. Поэтому утром мы свернули палатку и пошли к восточному краю обнажений, находящемуся километрах в 7 от яранг, чтобы обосноваться там. Всего в 2 км восточнее, около длинного озера, располагалась дома полярной станции «Валькаркай». После работы мы решили сходить на полярку. Там приняли нас очень гостеприимно. Полярники прожили вдали от «Большой земли» почти 2 года, сильно соскучились, ждали скорой смены и были очень рады «свежим» людям. Нас заставили перенести наши вещи к ним, поселили в свободной комнате, где мы в тепле спали на кроватях. Я рассказывал о Москве и Магадане. Нам показали обширную кают-компанию с прекрасной библиотекой. На складе у них пылились легкие спальные мешки из гагачьего пуха; предложили купить, но деньги нам были необходимы для более важных нужд. Несмотря на комфортабельные условия, полярники уже разделились на два враждующих лагеря, почти не общавшихся друг с другом. Однако мы были в хороших отношениях с представителями обоих лагерей. Прекрасные завтраки, обеды и ужины у полярников были бесплатными, и после окончания работ на этом участке нам пришлось нести остатки несъеденных продуктов на базу у устья р. Куйвиеем. Здесь Миша Сумин и Петя Таюрский выполнили все намеченные для них маршруты. Мы были готовы к переезду на последний участок работ – в район угольного месторождения Долгожданное.

Я сходил на прииск «Куйвиеем» и договорился с руководством Чаунского РайГРУ о присылке за нами машины. На прибывшем грузовике мы поехали за 100 км, в разведрайон Восточный, подчиненный Чаунскому РайГРУ. По дороге случилось неприятное приключение. На развилке дороги Апапельхино – Певек – Красноармейский проголосовал молодой человек, которому надо было добраться до прииска «Южный», расположенного рядом с Восточным разведрайоном. Он залез на вещи и сел вместе с остальными сотрудниками партии в кузов. Нам надо было проезжать через прииск «Красноармейский», последний оплот «сук» в Чаунском районе («суками» называли воров, нарушивших какие-нибудь воровские законы; они вели смертельную войну с «настоящими» ворами, которые с 1953 г. были везде, кроме Красноармейского). Дорога тянулась вдоль домов этого прииска на протяжении 1,5 км и была перекопана в четырех или пяти местах канавами, через которые на ширину колеи были положены 2 бревна. Проехать по ним можно было только самым тихим ходом. У первой канавы нас остановили и потребовали показать документы. Узнав, что мы полевая партия из Магадана, нас пропустили дальше и не задерживали около остальных канав, хотя рядом с дорогой настороже стояли люди. И вдруг, когда мы проехали последнюю канаву, услышали грозный окрик: «Стойте!» Забравшийся к нам незнакомец стал умолять шофера ехать, и побыстрей (очевидно, он был «вором»). За нами помчалась машина с людьми в кузове. Дорога шла серпантинами в гору. Люди, устроившие погоню, решили срезать один из серпантин, чтобы пересечь нам дорогу, но их машина не смогла взять подъем и остановилась, и под крики догоняющих мы выехали на перевал, откуда спокойно спустились в долину р. Млелювеем, где рядом с прииском «Южный» располагался Восточный разведрайон. Руководил им хорошо известный на Колыме первооткрыватель месторождения золота Дмитрий Павлович Асеев. К нашему счастью, на месторождение Долгожданное намечался тракторный поезд с продовольствием и грузами для него. Из Магадана прибыли и собирались выехать на месторождение началь-

ник отдела нерудных полезных ископаемых Евгений Николаевич Костылев и старший геолог поискового отдела Леонид Михайлович Попов. Из Чаунского РайГРУ их сопровождали начальник поискового отдела Лев Константинович Хрузов, начальник топографического отдела Михаил Григорьевич Мигукин и главный геолог экспедиции, производящей разведку каменного угля на месторождении, Г.Г. Володенков. Через несколько дней нам выделили трактор с санями.

Первые 60 км от Восточного до стана разведчиков первой найденной на севере Чукотки крупной россыпи золота в среднем течении р. Ичувеем мы добрались быстро – за один день. Поломки тракторов были незначительны, и ремонт проводился на ходу. По тундре порхало множество куропаток и их маленьких птенцов. Одного куропаточка поймали, и он лихо склевывал комаров, облепивших наши спины. Но, видимо, от переедания на следующее утро он подох. На базе разведочной партии стояло 6–8 больших палаток: жилые, камералка и склады. Через несколько лет здесь будет выстроен большой поселок – прииск «Комсомольский».

На следующий день наша колонна стояла. Не пошла она и на второй, и на третий день. Е.Н. Костылев попросил посмотреть мои полевые книжки. Работая на хорошо обнаженных участках морского берега, я делал много зарисовок, подробно описывал горные породы, соотношения пластов и толщ и не думал получить серьезные замечания. И был огорчен, когда, вызвав меня, Евгений Николаевич сказал, что есть очень существенное замечание: ни одна полевая книжка не подписана. На производственных практиках я исписал много книжек, и никто не требовал подписи под ними. Но, очевидно, в Дальстрое были свои порядки. С тех пор по окончании записей в полевой книжке я всегда ставил подпись.

На разведочный стан пришел М.Е. Городинский, начальник партии, работавшей недалеко от месторождения Долгожданное. Коллектору его партии из-за неосторожного обращения со взрывчаткой оторвало кисть руки. Марий Евгеньевич произвел первичную обработку раны, но требовалась квалифицированная медицинская помощь и госпитализация. В составе трак-

торной колонны ехал фельдшер, но отъезд все время задерживался. Отчасти в этом был виноват и я. На другой день после нашего приезда ко мне подошел повар стана и попросил 5 банок сухого спирта, по его словам, для быстрой растопки печи. На самом деле он отжал спирт через марлю и выпил его. Но этого показалось мало, и он съел всю оставшуюся от выжимания массу – обрывки тряпок, бинтов, ваты. Его желудок настолько расстроился, что он несколько дней не мог работать. А должен был выпечь хлеб для дальнейшей поездки колонны.

Мария Евгеньевна очень беспокоило состояние больного. Его надо было привести на месторождение Долгожданное, чтобы оттуда доставить в поселок на возвращающихся тракторах. Поэтому на четвертый день мы с ним решили, не дожидаясь отъезда колонны, идти пешком в сторону Долгожданного (120 км). К нам присоединился М.Г. Мигукин. Каждый нес довольно увесистый рюкзак (палатка, продукты, кастрюля, чайник и прочий скарб). У Мария была малокалиберная винтовка, у меня – винчестер. Дорога довольно приличная: по тракторной колее с примятыми кочками, по водоразделам, усыпанным мелкой щебенкой. В конце первого дня Марию удалось застрелить гуся, который был много вкуснее надоевших консервов. К концу второго дня мы прошли около 90 км. Утром мы оставили часть продуктов, ставшую лишней благодаря гусю, рядом с тракторной колеей. Сделали рядом небольшую кекуру и всунули в нее палочку с тряпкой наверху. Позже, когда тракторный поезд проходил мимо этого места, П.М. Таюрский заметил этот знак и взял оставленные продукты. Через 10 км, на р. Кувеемкай, наши дороги разошлись. М.Г. Мигукин пошел прямо по тракторной колее на месторождение, Марию вскоре надо было свернуть на север к своей партии, а я направился на юг по долине Кувеемкай, а затем на восток по р. Гиркувеем, в левом притоке которого находилась база партии Я.С. Ларионова. На Гиркувееме, километрах в 6 от устья, стояла яранга, но людей в ней и рядом не было. Чукчи, откочевав, оставили ее здесь до зимы.

К вечеру я был на гостеприимной базе Я.С. Ларионова, где в течение двух дней знакомился с ре-

зультатами его исследований по стратиграфии района. К обеду второго дня на базе неожиданно появились Л.К. Хрузов и Г.Г. Володенков. Они были усталые, голодные и попросили срочно отнести продукты к яранге на р. Гиркувеем, где остались ослабевшие от голода Е.Н. Костылев и Л.М. Попов. Оказывается, не дождавись тракторов, на следующий день после нашего ухода пешком отправились на угольное месторождение и Е.Н. Костылев, Л.М. Попов, Л.К. Хрузов и Г.Г. Володенков. Продуктов с собой они взяли мало и съели все к вечеру первого дня. На второй день они решили спрямить путь, сошли с тракторной колеи, а через некоторое время нахлынул туман, и они заблудились. Идя на восток по компасу, они то спускались в ручьи, то поднимались на водоразделы. В прошлом году в этом районе работала партия Л.К. Хрузова. Поэтому, когда вечером они остановились в довольно глубоком распадке, Е.Н. Костылев спросил Л.К. Хрузова, что это за ручей. Лев Константинович побродил по нему вверх и вниз, пришел и сказал, что это руч. Двойной, приток р. Палаяаам. Когда утром, перевалив через водораздел, они спустились в следующий ручей, Хрузов сказал, что это тоже руч. Двойной: ведь у него две вершины. Но когда про следующий ручей Лев Константинович сказал, что это уже действительно Двойной, Евгений Николаевич сильно возмутился. Хрузову пришлось дойти до устья ручья, чтобы убедиться, что он прав. После этого он повел своих попутчиков к базе партии Я.С. Ларионова, так как до нее было ближе, чем до месторождения Долгожданное. Когда они дошли до пустой яранги, то долго отдыхали там, а потом Костылев и Попов сказали, что не пойдут дальше, пока им не принесут еды. Только вечером они пришли на базу в сопровождении своих спасителей.

Утром я должен был идти на угольное месторождение. Евгений Николаевич попросил сказать трактористам, если они уже приехали, чтобы они повременили с отъездом и дождались его прихода. К моему удивлению, тракторная колонна уже была на месторождении. Я передал просьбу Евгения Николаевича, но в ответ услышал, что им некогда ждать и завтра утром они уезжают. Как будто понимая, что тракторы могут уехать, вечером на базу мес-

торождения пришли все четверо начальников. Трактористы отменили свой отъезд и оставались на месте еще 3 дня, так что Евгений Николаевич смог познакомиться с результатами разведки. На месторождении уже находился большой коллектор из партии Городинского. На обратном пути трактористы отвезли наше снаряжение на 4 км к северу от базы месторождения, где на левом берегу р. Угольная мы и разбили свой лагерь.

Канавными работами были вскрыты пласты каменного угля в основном на Южном участке месторождения, где и находилась база. Участок был небольшой, длиной немного более 1 км, а шириной метров 500. Пластов угля было мало, мощность их изменчива и редко превышала 1 м. В основании континентальных угленосных меловых отложений, на их контакте с морскими триасовыми, прослежен мощный (более 50 м) пласт валунно-галечных конгломератов. Многие гальки представлены кварцитовидными песчаниками, не встречающимися в триасовых отложениях. По-видимому, размывались палеозойские породы, выходов которых поблизости нигде нет. Возможно, палеозойские отложения перекрыты меловыми вулканитами, которые широко распространены в районе месторождения. Проходя под обнажением конгломератов, мы увидели полузаваленный камнями скелет человека. По рассказам рабочих, один из них, проигравшийся в карты, пропал зимой. Вероятно, это были его останки.

Северный участок угольного месторождения был побольше (3х1 км) Южного, но разведка его только начиналась. На следующий год выяснилось, что здесь имеется около десятка пластов угля мощностью от 0,5 до 2 м. Пока же здесь пытались вскрыть отдельные пласты шурфами. Мы осмотрели отвалы из шурфов, исследовали окрестности участка, сложенные триасовыми осадочными породами и меловыми эффузивами. Во флишевой толще триаса нашли белые трубковидные раковины, остатки растений и фрагменты тонкоробристых раковин двусторонек (галобий), которым мы сначала не придали особого значения, но благодаря которым на следующий год была перевернута ранее принятая стратиграфическая колонка триасовых отложений. Отсюда

недалеко до базы партии Городинского, и я пошел к нему. Мы сделали несколько совместных маршрутов. Было очень приятно, что Марий Евгеньевич во флишевой толще также нашел белые трубковидные раковины, которые встречались нам на морском побережье и близ Северного участка угольного месторождения. На левом берегу р. Пегтымель я впервые увидел ольховую рожицу; во всех других местах, где мы были, по рекам росли лишь кусты ивы, а на склонах гор – карликовая березка. Грибы, росшие в изобилии в середине лета на тундре, часто висели над этими кустиками; им больше подходит название «надберезовики», чем «подберезовики».

Во время маршрута на р. Кувеемкай мы узнали, как быстро поднимается вода в горных речках в паводок. Вечером мы поставили полочки на довольно высоком островке среди ручья, подстелив под спальные мешки ветки ивы. Крепко заснув после тяжелого рабочего дня, не заметили, как поднялась вода и стала подмывать ивовую подстилку. Мы вскочили и, стоя в воде, собрали свое имущество, с трудом преодолели бурное течение пенистого ручья и забрались на высокий правый берег. Мыло и зубные щетки, с вечера оставленные на берегу, были унесены водой. Осеннее наводнение не обошло и нашу стоянку на р. Угольная; пришлось срочно рыть обводные каналы вокруг палаток.

В бассейне руч. Кувеемкай встречалось много лисиц. Когда мы шли по долине, они подпрыгивали выше метровых кустов ивы, чтобы рассмотреть, кто идет, и тут же убежали. А однажды произошел совсем забавный случай. Мы изучали обнажение в нижней части террасы высотой 5 м. Полкан отдыхал рядом с нами. Вдруг кверху обрыва над нами выскочила лиса. Полкан мигом оказался рядом с ней. Лиса приветливо замахала хвостом и стала медленно удаляться. Полкан побежал рядом как закадычный друг и вернулся к нам минут через 20 весь в «мыле». Вероятно, плутовка довела его до норы, юркнула туда и оставила пса с «носом».

Однажды П.М. Таюрский в маршруте увидел медвежонка. В охотничьем азарте погнался за ним, метнул молоток и, к несчастью, убил малыша. В лагере он снял с него шкуру и повесил сушить ее на рас-

тяжки палатки. Полкан, подходя к ней, взъерошил шерсть и залаял. Жучка же, никогда в жизни не видевшая медведя, всегда обходила эту шкуру далеко стороной.

15 сентября небо закрыло тяжелыми тучами и повалил снег. Он сыпал несколько суток подряд, покрыл землю толстым слоем, и маршруты пришлось прекратить. Оставалось камералить и ждать, когда придут тракторы. Они появились на месторождении в начале октября. Как раз перед их приходом произошло ЧП: в одном из шурфов подорвался взрывник. Когда произошел взрыв, он не успел вылезть из шурфа и мертвым свалился в него. Останки положили в гроб, привязали его на сани с нашим снаряжением, чтобы везти до разведрайона Восточный. С этим скорбным грузом мы ехали двое суток. Морозы уже стояли солидные (до 20–25°C), поэтому на передней части саней пришлось поставить палатку, куда мы забирались в валенках и полушубках. На автомашине мы перебрались с Восточного в аэропорт «Апальхино», где несколько дней ждали самолета. Я съездил в Певек и рассказал Н.И. Чемоданову о результатах работ. Больше докладывать было некому, так как геологи из поля еще не вернулись. После длительной проверки наших документов оперуполномоченным на аэродроме 21 октября мы погрузились в самолет и в тот же день прилетели в Магадан. С нами прибыл и наш рабочий Иван Федорович, наконец-то вырвавшийся с Чукотки. Через несколько дней мы проводили его на материк с одним из последних пароходов. Потом он писал нам письма из-под Иркутска, где жили его родственники.

Б.Н. Ерофеева в Магадане уже не было, он перешел на работу в Москву. Во время приемки материалов наших полевых работ положительно оценили итоги стратиграфических исследований, но не согласились с низкой оценкой месторождения Долгожданное, приуроченного, по нашим представлениям, к небольшой межгорной впадине. Будущая разведка подтвердила наше мнение. Каменный уголь на нем добывался в небольшом количестве лишь для нужд близ расположенных поселков, возникших на месте открытых геологами месторождений золота.